

ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 398.33+398.8(571.5)
DOI 10.25205/2312-6337-2019-1-33-40

С. А. Мясникова

Омский государственный педагогический университет

Поэтические формулы белорусских колядных и волочebных песен. Вопросы соотношения переселенческой (прииртышской) и материнской традиций

Статья посвящена вопросам классификации и систематизации белорусских колядных и волочebных песен, записанных в Омской области. Автор в своем исследовании показывает, что календарно-обрядовые песни в большинстве своем состоят из поэтических формул, анализ которых позволяет подробно изучить материал переселенческой традиции и сравнить его с записями материнской традиции. Приводятся группы содержательного каталога, отражающие архитектонику белорусских колядных и волочebных песен. В заключении приводятся выводы о прочной связи переселенческой традиции с материнской, но в то же время об отрывочности и определенной степени нивелированности региональных прииртышских текстов.

Ключевые слова: белорусы Прииртышья, поэтические формулы, волочebные песни, колядные песни, переселенческая традиция.

Нередко обращаясь в ходе исследовательской работы к вопросам классификации и систематизации белорусских календарно-обрядовых песен, записанных на территории Омского Прииртышья¹, мы пришли к выводу о том, что зачастую песенный текст состоит из неких повествовательных элементов, не являющихся мотивами и представляющими собой устойчивые повторяющиеся содержательные единицы.

В научной литературе нам встретилось понятие «поэтическая формула», которое в свое время было подробно изучено ленинградским исследователем Г. И. Мальцевым в работе «Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики» [Мальцев, 1989]. Опираясь на исследования А. Н. Веселовского, Г. И. Мальцев писал: «Традиционные формулы, не связанные с определенным сюжетом и лежащие в основе всего репертуара традиционных песен, наглядно выявляют такую эстетическую закономерность народной лирики, как художественный канон. Поэтому формулы – не частный аспект поэтики фольклора, но явление, которое можно рассматривать как центральное для историко-эстетического анализа и уяснения многих закономерностей художественной системы народной лирики. Само наличие в разных песнях повторяющихся элементов различного типа является фактом очевидным и не требующим никаких доказательств. Формульность является одной из типологических универсалий фольклора в целом» [Там же, с. 3–4]. Поэтическая формула обладает устойчивостью и повторяемостью, как и мотив, но при этом не имеет мотивировки и структуры предложения: субъ-

¹ Например, статья ««Волочebнички волочились...» – волочebные песни белорусских переселенцев Омского Прииртышья» [Мясникова, 2017] и др.

Мясникова Софья Анатольевна – преподаватель Омского областного колледжа культуры и искусства, соискатель кафедры литературы и культурологии филологического факультета Омского государственного педагогического университета.

Контактная информация. E-mail: zenua_inbox@mail.ru; тел.: 8-962-053-35-11.

ект – действие – объект – обстоятельства. Она может быть даже выражена (что чаще всего и происходит) цитатой из песенного текста, что совершенно не характерно для мотива. Используя в работе очень близкие по значению понятия «поэтическая формула» и «содержательный элемент», мы разграничиваем их по наличию или отсутствию художественной образности.

Вычленение и анализ поэтических формул текстовых корпусов может дать наглядное представление об определенной традиции. В нашем случае для исследования взяты белорусские колядные и волочebные песни, записанные на территории Омской области. Объединение в анализ двух разновременных календарных обрядов не случайно и объясняется их невероятной схожестью в функционально-типологическом, содержательном плане, о котором уже не раз писали ученые-фольклористы. «...анализируя колядный песенный цикл, никак нельзя исключить из рассмотрения волочebный материал, имеющий, правда, ряд особенностей, но по всем основным признакам, безусловно, совпадающий со славянским колядованием и отличающийся от него лишь календарными сроками исполнения. Причем важным является не только полное совпадение всех главных компонентов обходного обряда <...>, но прежде всего – песенного колядного и волочebного репертуаров, близость которого подтвердили все фольклористы» [Виноградова, 1982, с. 32–33].

Под *колядными* в настоящей работе понимаются все песни святочного периода (к этому же периоду для анализа примыкают песни Филипповского поста, которые в небольшом количестве были записаны на территории Омской области), кроме песен обряда-игры «Женитьба Терешки», которые представляют собой явления иного рода.

Целью нашего исследования является демонстрация зафиксированного в Прииртышье фольклорного материала через призму сравнительно-сопоставительного анализа с материалом материнской традиции. Для вычленения поэтических формул нами был составлен систематический содержательный каталог белорусских колядных и волочebных песен, зафиксированных в Омской области. Текстовыми источниками выступили региональные фольклорные архивы², публикации (см. список источников). Упомянутый каталог не опубликован, поскольку носит только рабочий вариант и имеет прикладной характер. Но для ясности проведенного анализа мы покажем выделенные нами группы, отражающие архитектуру песен и содержащие свои классификационные и систематизационные разделы. Группы обозначим заглавными буквами русского алфавита.

А. Короткие подвижные содержательные единицы (формулы), которые могут по-разному контаминироваться или входить в ткань более сложных по структуре, в том числе и сюжетных текстов. Некоторые содержательные единицы могут обладать и определенной долей самостоятельности и существовать как отдельные короткие тексты. Формулы группы А могут использоваться всеми группами. Вероятно, это уже следствие их бытования в одном календарном цикле, следствие эволюции песен святочного и волочebного репертуара.

Б. Сюжеты и сюжетные ситуации, имеющие символический характер. Сюжетные ситуации моделируют определенную совокупность действий (ситуацию) величального или заклинательного характера, озвучивание которой должно повлечь за собой осуществление в действительности (или ее проецирование на действительность) благопожелания, заключенного в песне.

В. Лирические сюжеты – отражают движение лирического переживания человека.

Г. Величально-заклинательные ситуации. Рабочее название группы. Было решено выделить особую группу, так как в этих формулах нет даже сюжетной ситуации. Они могут состоять из призывов что-то совершить и показа чудесных изменений, которые ждут того, кому колядуют.

Д. Игровые сюжеты и сюжетные ситуации. Здесь сюжет – это сюжет игры. Игровую ситуацию разыгрывают ряженые. На прииртышском материале – это только действия с козой.

Содержательный каталог позволяет провести параллели между переселенческим материалом и исходным, обнаружить сходства либо различия в текстовых корпусах. Отметим, что практически к каждому прииртышскому классификационному типу по содержанию найден очень близкий по смыслу или абсолютно идентичный формульный вариант в белорусских песнях. Рамки статьи не позволяют представить все сходные текстовые элементы материнской и переселенческой традиции, остановимся лишь на некоторых формулах, на наш взгляд, наиболее ярких, показательных.

Группа А представлена большим количеством различных формул. В прииртышском материале часто встречаются поэтические формулы «*Пришла коляда вперед Рождества*», «*Щедр вечер, добрый вечер*», «*Святый вечер*», «*Ох, будут иттить да три праздника*». В «Беларуской народной

² Фольклорный архив Омского государственного университета (далее – ФА ОмГПУ), Областной фонд фольклорно-этнографических материалов Государственного центра народного творчества (далее – ОФ ФЭМ ГЦНТ).

творчасці» (далее – БНТ) примерами текстов с подобными формулами служат образцы № 135, 138, 157, 158, 184, 185, 195, 199, 235, 236, 237, 238, 241, 276, 280, 281, 291, 297, 298, 305, 307, 311 и др. [Зімовыя песні, 1975].

Очень распространенной и в прииртышском материале, и в белорусском является формула «*Волочебные, люди добрые*» [Валачобныя песні, 1980, с. 92, 411–421, № 53, 399, 401, 411, 416 и др.]. Прииртышская формула «*Пошла коляда с конца улицы в конец (из конца в конец)*» идентична формуле текстов № 191, 192, 193 БНТ «*Паехала (Ишла, А ехала) каляда з канца ў канец*» [Зімовыя песні, 1975, с. 146]. Множество вариантов у формулы «*Шла баба (коляда) по льду, рассыпала коляду*» [Там же, с. 125–128, № 135–141, 143]. Формула «*[Коляда] привезла портяной мешок кишок и решето блинов*» в исходном белорусском материале не встретилась нам в чистом виде, но мы обнаружили различные контаминации отдельных элементов этой формулы «*портяной мешок кишок*» и «*решето блинов*» [Там же, с. 125, 132, 147, № 135, 158, 195 и др.]. Формула «*Маленький хлопчик*» также нашла свое отражение в материале исходной традиции [Там же, с. 371, № 539]. Нашлись белорусские аналоги и формулы «*Колядочки, блины-ладочки*» [Там же, с. 134–136, № 165–168, 170–171]. Вариант формулы:

*Колядочки, блины-ладочки
Колядные блины ладные,
А троёцкіе – блины грецкіе,
А петровскіе – не таковскіе*
(ФА ОмГПУ, ЭК-2/71, № 26).

*Ай, калядачкі, бліны-ладачкі.
Ай, мікольскія бліны не такоўскія,
А васільскія бліны блізкія*
[Зімовыя песні, 1975, с. 136, № 171].

Формула «*Фёклушка добра рубашонку дала*» интересна не только наличием белорусского варианта (практически идентичные по структуре текстовые единицы различаются лишь именами и подарками), но и как пример проявления регионального компонента, исследованием которого занималась и занимается Т. Г. Леонова. «Песня, предназначенная для обхода дворов, дает их описание применительно к селу, где она записана. В ней упоминаются имена и фамилии реальных жителей села Атирка, в том числе и самой М. С. Захаренко (исполнительница песни. – С. М.) (“...А Марьюшка добра...”)) и А. М. Ворониной (“...Александрюшка добра...”), от которой <...> записан второй... вариант песни» [Леонова, 2014, с. 201]. Можно предположить, что и в белорусских формулах в той или иной степени также отражается локальная традиция.

*Фёклушка добра рубашонку дала
Валечка добра да й кофтенку дала
Марьюшка добра да юбочнку дала.
Александрюшка добра да й лаптишки дала.
Верушка добра да й оборки дала.
Домнушка добра решето блинов дала*
(ФА ОмГПУ, ЭК-4/71, № 114).

*А Карпіна жана дабрахвоча была і бацінкі дала.
А Марцінава жана дабрахвоча была і насавёнкі дала.
А Назаравага жана дабрахвоча была і рубашонку дала.
А Васільева жана дабрахвоча была і шубёнку дала.
А Пракопава жана дабрахвоча была і сермяжонку дала.
А Дзянісава жана дабрахвоча была і паясёнку дала.
А Іванава жана дабрахвоча была і шматчонку дала.
А Сяргеева жана дабрахвоча была і чулчонкі дала.
А Дарахвеева жана дабрахвоча была і аборкі дала.
А Сцяпанавы жана дабрахвоча была і лапцёнкі дала.*
[Зімовыя песні, 1975, с. 147, № 195].

Прииртышские формулы описания богатого хозяйского двора и формулы величания хозяев ярко представлены в месте исхода традиции [Там же, с. 150–153, 176, 234, 235, № 196–199, 219, 306–307; Валачобныя песні, 1980, с. 108, № 68].

Заключительные формулы в омских текстах имеют клишированные окончания: с просьбами о вознаграждении, с угрозами, если подарок не получен, благопожелательные (приплод скота и урожая: «дай, боже, тому, кто в этом дому...», «зароди, боже, жито, пшеницу и всякую паиницу...»). Формула «Зароди, боже, жито, пшеницу» довольно часто используется в белорусских колядных и волочебных песнях [Зімовыя песні, 1975, с. 179, 211, 370, 371, 433, № 223, 270, 540, 537, 605 и др.].

Встречаются идентичные либо очень схожие элементы с требованием подарка в белорусских текстах и прииртышских. Например, формулы «Щедровочка щедровала», «Щедрик-ведрик» и формулы текстов № 511, 512, 513, 516, 517 БНТ [Там же, с. 362–363].

*Щедрик-ведрик, дай вареник,
Грудочку кашки, кильце ковбаски*
(ФА ОмГПУ, ЭК-64/84, № 22).

*Шчэдрык-ведрык, дай варэнік,
Грудачку кашкі, кальцо каўбаскі <...>*
[Зімовыя песні, 1975, с. 363, № 517].

Схожие текстовые единицы наблюдаются у прииртышских формул «Дайте колбасу» и формул из белорусских текстов № 506, 518, 519, 521 БНТ [Там же, с. 360, 363–365], «Ай ты, Антон, поворачивайся» и № 193 БНТ [Там же, с. 146], «Ой, Ванечка-сосед, подарить ты меня» и № 192 БНТ [Там же, с. 145], а также «Щодир-бодир, наш батька злодив» [Там же, с. 365, 366, № 523, 524, 525] и др. Очень близкие формулы «Не дадите колбасу, я хату разнесу», «Не дадите сала – ваша свинья не встала», с формулами из белорусских текстов № 531: «Давай, баба, каўбасу, бо я хату растрасу» и № 527: «Не дала сала, штоб свіння не ўстала» [Там же, с. 367, 368, № 527, 531]. Отдельная формула для обряда посева «Сею-вею, посеваю» представлена в текстах № 610, 611 и др. БНТ [Там же, с. 435].

Также в репертуаре прииртышских колядных и волочебных песен обнаруживается формула прихода издалека с элементами описания дальней дороги: «Волочебнички волочились / Волочились, обмочились (помочились)» или «Ходили-гуляли колядовицики / Искали, пытали (пожали) богатый двор». И связанная с ними формула «перехода по мосту», включающая в себя различные упоминания о «кладках», «мостах», «брусьях»: «Масти кладки (кладочку), пусти (зови, проси) в хатку (хаточку)»³. Все эти формулы часто встречаются в собственно белорусских текстах, например, в № 200, 201, 202 БНТ [Там же, с. 154–160], № 399, 404, 408, 413, 414 БНТ [Валачобные песни, 1980, с. 411–420] и др.

Прииртышские поэтические формулы символических сюжетов и сюжетных ситуаций **группы Б** не менее ярко представлены в текстах материнской традиции. Практически идентичный набор содержательных формул встретился нам в сюжете «Выбор суженого в танкё», который отражен в тексте № 385 БНТ. Сравним тексты, записанные в Прииртышье и Белоруссии:

*В ляску, в ляску, на желтом пяску.
А там пава летала и перья роняла.
А там Аннушка перья собирала, в рукавок клала.
А с рукавка брала и вяночек пляла.
Свивши вяночек, пошла у таночек.
А в тым таночке трохось полюбила, всех наделила:
Одному дала шелковый платок,
А другому – кольцо золотое дала.
А за третьего и сама взамуж шла*
(ФА ОмГПУ, ЭК-5/92, № 70).

*Маладая Ганна па двару хадзіла, пер'е збірала,
Пер'е збірала, у рукавок клала,
З рукаўца брала, вяночак звівала,
Звіўшы вяночак, пайшла ў таночак.
У тым таночку трох палюбіла, надарыла:
Аднаму дала шаўковы платок,
Другому дала залот персцянк,
А за трэцяга і сама пашла*
[Зімовыя песні, 1975, с. 288, № 385].

³ По утверждению Л. Н. Виноградовой, формулы «Мости кладку, зови в хатку» известны только в белорусском материале обходных календарных песен [Виноградова, 1982, с. 162].

Перечислим очень близкие формулы в сюжетах материнской и переселенческой традиций: «Суженый находит унесенный ветром венок» – БНТ № 383 [Зімовья песні, 1975, с. 286], № 204 [Валачобные песни, 1980, с. 267]; «Девушка роняет кольцо в море» – БНТ № 205, 215 [Там же, с. 268, 276]; «Орел предсказывает свое покровительство в будущем» – БНТ № 421 [Зімовья песні, 1975, с. 307], № 337, 339, 340 [Валачобные песни, 1980, с. 368, 370, 371]; *Хозяин и золотое кольцо* – БНТ № 199–202, 206 [Зімовья песні, 1975, с. 153–160, 163]; «Сирота и ячичко» – БНТ № 408–412 [Валачобные песни, 1980, с. 417–419].

Схожие формулы в составе сюжетных ситуаций: «Червоныя чоботки» – БНТ № 368 [Зімовья песні, 1975, с. 272]; «Молодец и конь» – БНТ № 409 [Там же, с. 300], № 338 [Валачобные песни, 1980, с. 370].

Также интересны сюжеты, в которых формулы близки по содержанию, но сходство проявляется не во всех элементах. Например, «Девушка ищет коней». В прииртышских материалах обнаружен только один текст с подобным сюжетом: *Девушка пасет коней, засыпает, теряет их, идет искать, встречает трех молодцев (волошебников). Спрашивает их, не видели ли коней. Молодцы отвечают, что знают, где ее кони, но не скажут, пока она не отгадает семь загадок. Девушка отгадывает все загадки, молодцы хвалят ее и указывают дорогу. Девушка находит коней.* А вот в белорусских публикациях аналогия с этим сюжетом проявляется только в формулах загадывания загадок. Кони и их поиск девушкой нами в белорусских текстах не обнаружены [Там же, с. 352–353, № 317, 318]. Или сюжетная ситуация «Орел помогает получить в суженые королевскую дочку». Нам встретился в белорусских текстах набор поэтических формул, который составляет практически идентичный переселенческому сюжет. Только помощник главного героя не орел (он встретился лишь в одном тексте), а змея или птица турако [Там же, с. 366–370, № 333–338].

Интересная сюжетная ситуация найдена в омских колядных песнях «Марийка и молодцы». Девушка жнет пшеницу, приходят к ней 700 молодцев. Она их просит *брать* ее (видимо, сватать) не с поля, а с отцова дома, у которого есть определенные приметы. Мы поискали аналоги этой ситуации в томе БНТ «Зімовья песні» и нашли лишь два схожих текста, в которых только три молодца приходят к девушке [Зімовья песні, 1975, с. 249–251, № 335, 336]. Однако число 700 также присутствует в белорусских колядных песнях, где обозначает количество пришедших к хозяину дома колядовщиков: «*Хадзілі-блудзілі семсот малайцоў / Семсот малайцоў да й каляднічкаў*» [Там же, с. 177–178, № 220–222].

Поэтические формулы с золотой ряской (росой, корой), которую девушка собирает с дерева и относит к мастеру, чтобы он сделал ей золотые предметы, встречаются в прииртышских колядных песнях в сюжете с развитой второй частью, где изготовленные золотые предметы девушка отдает брату, который, в свою очередь, отвозит их своей теще.

Помимо этого исследователь Л. Н. Виноградова выделяет такие традиционные формулы, сюжетные ситуации колядных и волошебных песен, как «погоня за чудесным зверем с золотыми рогами», «девушка встречает своего милого и заботится о его коне», «предпочтение милого» – делает только тогда, когда просит милый, «девушка садит сад», «стережет сад», «раздает яблоки всем родным и милomu», «готовит богатые дары для колядовщиков», «шьет–вышивает» [Виноградова, 1982, с. 67]. Из всего прииртышского фонда нам встретилась лишь одна из вышеназванных ситуаций / формул – девушка встречает своего милого и заботится о нем и его коне. Также встречается трехкратное повторение традиционной формулы – отец, мать, милый: *Иди, папочка, да венок пощи / Папочка пошел, веночек не нашел – Иди, мамо, ты венок пощи / Мама пошла, венок не нашла – Я сама пойду да венок пощу / Я сама пошла, да венок не нашла – А навстречу мне три рыболова / Ты не видели вы перловый венок? – Один сказал: «Не видывал», / А другой сказал: «Не слыхивал». – А третий сказал: «Я в руках держу»* (ФА ОмГПУ, ЭК-20/80, № 2).

Ко всем прииртышским лирическим сюжетам и сюжетным ситуациям **группы В** найдены идентичные либо очень близкие формулы в белорусских текстах: «*Сестра обижается на брата, не приветившего ее как гостью*» – БНТ № 83–86 [Зімовья песні, 1975, с. 100–102]; «*Девушка хочет рассказать свое горе таточке*» – схожих текстовых элементов не найдено, но есть аналогичные сюжетные ситуации, в которых девушка рассказывает отцу о своем несчастье: БНТ № 1–2 [Там же, с. 53]; «*Девушка прядет и тклет ковры на подарки*» – БНТ № 59–61 [Там же, с. 87, 88]; «*Девушки хотят нагуляться в святки*» – БНТ № 168–170 [Там же, с. 135–136]; «*Девушки протоптывают стежечки*» – БНТ № 165 [Там же, с. 134].

Величально-заклинательные ситуации **группы Г** также включают в себя немало аналогичных с белорусскими поэтическими формул. Это, например, формулы *приплода скота*. «В составе русского

колядного репертуара мотив⁴ «о приплоде скота» не типичен. Он встречается лишь в песнях из областей, близких к Белоруссии» [Виноградова, 1982, с. 92]. Характерной особенностью таких песен является перечисление разных видов животных, содержащихся в хозяйстве. «В белорусском материале мотив о «приплоде скота» часто выступает в составе длинных волочебных песен хозяйственного типа» [Там же, с. 92]. В прииртышских записях элементы с перечислением скота встречаются только в волочебных песнях, в то время, как в белорусских материалах подобные формулы встречаются и в колядных песнях – БНТ № 268, 269 [Зімовыя песні, 1975, с. 209]. Другие примеры: формулы «выстраивания богом теремов» – БНТ № 196–198, 201, 202 [Там же, с. 150–152, 156, 158]; формулы «определения богом порядка наступления праздничков» – БНТ № 69–72 [Валачобныя песні, 1980, с. 111–122]; формулы «перечисления святых и праздничков» – БНТ № 216, 263, 264 [Зімовыя песні, 1975, с. 174, 204], № 72–75 и др. [Валачобныя песні, 1980, с. 122–136].

Л. Н. Виноградова пишет, что поэтические формулы «об участии бога и святых в полевых работах хозяина» наиболее ярко проявляются в белорусских волочебных песнях, «где – в соответствии с церковным календарем – за конкретными святыми закреплены все этапы возделывания земли и выращивания хлеба». Исследователь отмечает, что поэтические формулы об «участии бога и святых в хозяйственных работах» обычно разрабатываются в сочетании с эпизодом «все святые собрались у бога, одного из них нет, так как он трудится на поле у хозяина» и последующей за этим традиционной формулой «богатого урожая» [Виноградова, 1982, с. 95, 101]. В прииртышских материалах подобный эпизод не отражен, показаны только уже свершившиеся факты работы на поле. А вот формула «богатого урожая» наиболее ярко представлена в колядных песнях.

Помимо этого в группу Г входят формулы величальных песен «Дома ли хозяин?» и последующее развитие вариантов: а) хозяин дома (описание богатой одежды, убранства дома, благополучия); б) хозяина нет дома (выяснение того, куда уехал хозяин, упоминание его почетных занятий). Сюда же относятся и такие типичные белорусские формулы, как «Спишь или слышишь?», «Встань, открой окно!».

Ниже приведем пример практически идентичного набора поэтических формул одной из сюжетной ситуации группы Г:

*Молодая Галочка по двору ходила,
По двору ходила, весь двор красила,
А в сени шла, сени зазьяли,
А в хату ишла, паны стояли,
Паны стояли, ее видали,
Ее видали, шапки снимали,
Шапки снимали, та й попытали:
– А ти царевна, ти королевна?
– Я ж не царевна, не королевна,
Тяцькина дочка, молодая Галочка.*

(ФА ОмГПУ, ЭК-26/79, № 35).

*Ай, ясна-красна каліна ў лузе,
Ай, ясней-красней Кацечка ў таткі,
Па дварэ хадзіла – ўвесь двор красіла.
У сени ўвайшла – сени зазьялі,
У хату ўвайшла – баяры ўсталі
баяры ўсталі, шапкі знімалі,
шапкі знімалі, у яе пыталі:
– Ці ты папоўна, ці каралёўна?
– Я ж не папоўна, не каралёўна,
Слічная панначка Ёванава дочка*

[Зімовыя песні, 1975, с. 256, № 343].

Игровые ситуации с козой из группы Д также нашли свое отражение в белорусских текстах. Формулы «Го-го-го коза, го-го-го серая» встречаются № 548, 553, 585, 586 и др. [Там же, с. 379, 385, 416]. Формулы сюжетной ситуации «Стрельцы и коза» совпадают с элементами № 546 БНТ [Там же, с. 374].

⁴ Л. Н. Виноградова называет выделенные нами формулы «мотивами», мы, вслед за Г. И. Мальцевым, – поэтическими формулами.

Анализ белорусских поэтических формул показал, что этническая идентификация волочебного обхода дворов, зафиксированного на территории Омской области, не вызывает сомнений – это явление белорусской культуры, в то время как святочные песни и обряды Прииртышья включают в себя все группы восточнославянского населения. Перед нами не стояла задача выявить круг поэтических формул или сюжетов, относящийся только к белорусской традиции. Это отдельное исследование, требующее привлечения большого количества литературы по русскому и украинскому фольклору, а если брать шире, так и по всем славянским этносам. Но выделенные в содержательном каталоге и упомянутые в данной статье отдельные поэтические формулы можно смело относить ко всему восточнославянскому наследию без дополнительных научных поисков. Таковыми можно считать «Щедрый вечер, добрый вечер», «Сею-вею, посеваю, с Новым годом поздравляю», «Маленький хлопчик (мальчик) влез на столбчик (стульчик)», «Не дадите пирога, мы корову за рога», «Ты, хозяин-мужичок, полезай в сундучок, доставай-ка пяточок», «Открывайте сундучки (сундучок), доставайте (подавайте) пяточки (пяточок)», «Щедровочка щедровала, под окошком ночевала» и другие формулы, встречающиеся и в русских, и в украинских текстовых корпусах.

Содержательный каталог выявил большое количество очень близких либо идентичных по содержанию поэтических формул, сюжетов и сюжетных ситуаций переселенческой и материнской традиции. Весьма показательным является наличие в региональном омском материале формул, характеризующих именно белорусское наследие. К таковым относится «*Мости кладку, зови в хатку*», формулы перечисления святых и праздников и др.

Таким образом, наличие типичных обрядовых формул, их полное или частичное совпадение с формулами белорусских текстов позволяет нам сделать вывод о сохранении прочной связи прииртышского белорусского материала с местом исхода традиции. Однако нужно отметить и значительную степень утраты региональных омских записей, что проявляется в составе сюжетных групп колядных и волочебных песен, в отсутствии разнообразия их версий и вариантов, в небольшом количестве выделенных поэтических формул.

Список сокращений

БНТ – академическая серия «Беларуская народная творчасць»
ОФ ФЭМ ГЦНТ – Областной фонд фольклорно-этнографических материалов Государственного центра народного творчества
ФА ОмГПУ – Фольклорный архив Омского государственного университета

Список литературы

Виноградова Л. Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян: Генезис и типология колядования. М.: Наука, 1982. 258 с.
Леонова Т. Г. Проблемы изучения регионального фольклора: Монография. В 2 ч. Омск: Амфора, 2014. Часть 2. 420 с.
Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Л.: Наука, 1989. 172 с.
Мясникова С. А. «Волочebнички волочилися...» – волочебные песни белорусских переселенцев Омского Прииртышья // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 13–22.

Список источников

Областной фонд фольклорно-этнографических материалов Государственного центра народного творчества.
Русский народный праздник. Омск: Изд. дом «Наука», 2006. 284 с. 2-е изд., испр.
Фольклорный архив Омского государственного педагогического университета.
Валачобныя песні. Мінск: Навука і тэхніка, 1980. 560 с. (Беларуская народная творчасць).
Зімовыя песні. Мінск: Навука і тэхніка, 1975. 736 с. (Беларуская народная творчасць).

S. A. Myasnikova

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation; zeny_inbox@mail.ru

Poetic formulas of Belarusian carol and volochebnye songs.

Problems of correlation of Irtysh region migrants' and maternal traditions

The article analyzes the poetic formulas of the Belarusian carol and volochebnye songs recorded in Omsk Irtysh region. The poetic formula is stable and repeatable, like the motive, but it does not have the motivation and the structure of the sentence, most often it is expressed in a quotation from the song text, which is absolutely not characteristic of the motive. The isolation and analysis of the poetic formulas of text corpora can provide a visual representation of a particular tradition. The aim of the study is to demonstrate the folk material recorded in the Irtysh through the prism of comparative analysis with the material of the maternal tradition. To isolate poetic formulas, the author has compiled a systematic, informative catalog that does not allow the full scope of the article to be published. But for clarity, the work demonstrated selected groups reflecting the architectonics of songs and containing their classification and systematization sections. The study resulted in conclusions that, on the one hand, the classification and systematization of regional Omsk records demonstrates a significant degree of loss of resettlement material. This is manifested in a small number of selected poetic formulas (in comparison with the place of outcome of the tradition), in the fragmentaryness and loss of textual elements, as part of subject groups. On the other hand, there is a strong connection with the maternal tradition which is reflected in the presence of typical ritual formulas, their full or partial coincidence with the formulas of a Belarusian texts.

Keywords: Belarusians Irtysh region, poetic formulas, carol songs, volochebnye songs, resettlement tradition.

References

Leonova T. G. *Problemy izucheniya regional'nogo fol'klora* [Problems of studying the regional folklore]. Omsk, 2014, pt. 2, 420 p. (in Russ.).

Mal'tsev G. I. *Traditsionnye formuly russkoy narodnoy neobryadovoy liriki* [Traditional formulas of Russian non-ritual folk lyrics]. Leningrad, 1989, 172 p. (in Russ.).

Myasnikova S. A. «Volochebnichki volochilisia...» – volochebnye pesni belorusskikh pereselentsev Omskogo Priirtysh'ya [«Volochebnichki volochilisia...» – volochebnye songs of the Omsk Irtysh region Belarusians]. *Siberian Journal of Philology*. 2017, no. 1, pp. 13–22. (in Russ.).

Vinogradova L. N. *Zimnyaya kalendarnaya poeziya zapadnykh i vostochnykh slavyan: Genezis i tipologiya kolyadovaniya* [Winter calendar poetry of the western and eastern Slavs: Genesis and typology of caroling]. Moscow, 1982, 258 p. (in Russ.).

List of sources

Fol'klornyy arkhiv Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Folklore archive of Omsk State Pedagogical University].

Oblastnoy fond fol'klorno-etnograficheskikh materialov Gosudarstvennogo tsentra narodnogo tvorchestva [Regional fund of folklore and ethnographic materials of the National Center for Folk Art].

Russkiy narodnyy prazdnik [Russian folk holiday]. Omsk, 2006, 284 p. (in Russ.).

Valachobnyya pesni [Easter songs]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ. House, 1980, 560 p. (Belaruskaya narodnaya tvorchasts' [Series: Belarusian folk art]). (in Belarus.).

Zimovyaya pesni [Winter songs]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ. House, 1975, 736 p. (Belaruskaya narodnaya tvorchasts' [Series: Belarusian folk art]). (in Belarus.).